

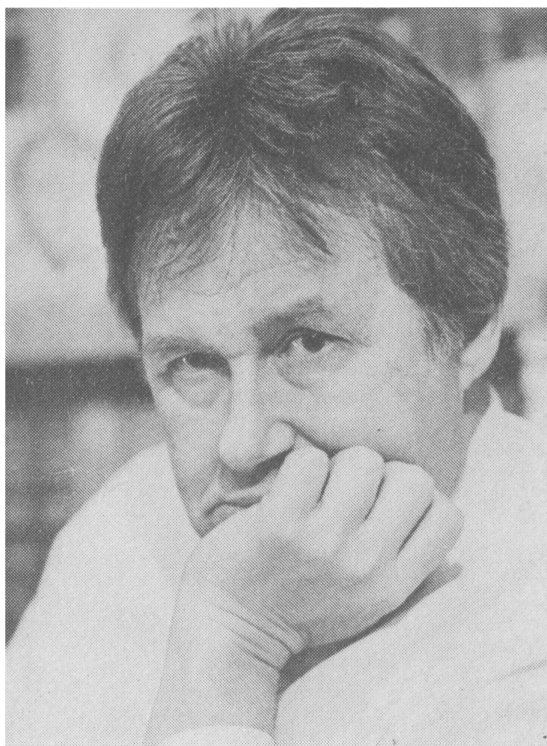
БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

МОСКВА

ISSN 0132-2095

№ 11 1991

Владимир РЕЦЕПТЕР

ДО ТРЕТЬЕГО ЗВОНКА

Б И Б Л И О Т Е К А « О Г О Н Е К » № 11

Издается с января 1925 года

Владимир РЕЦЕПТЕР

ДО ТРЕТЬЕГО ЗВОНКА

СТИХИ

Москва. 1991

Владимир РЕЦЕПТЕР

Владимир Эммануилович Рецептер родился в 1935 году в Одессе. Окончил филологический факультет университета и театральный институт в Ташкенте. Работал артистом Ташкентского русского, затем Ленинградского Большого драматического театров. Поставил спектакли «Роза и Крест» А.Блока, «Тетрадь Юрия Живаго» по роману Б.Пастернака «Доктор Живаго» и др. Руководил литературно-драматической (Пушкинской) студией. Играл моноспектакли («Гамлет» У.Шекспира и др.), снимался в кино. Заслуженный артист РСФСР.

Первая книга стихов «Актерский цех» вышла в 1962 году. Затем изданы стихотворные сборники «Опять пришла пора», «Вид с моста», «Открытая дверь», «Представление», прозаические книги «Письма от Гамлета», «Прошедший сезон...» и др. Член Союза писателей СССР.

* * *

Я был еще слепец,
но в том-то все и дело,
что правду не юнец,
а время разглядело.

Я был еще немой,
но в Гамлетовой теме
в те времена и мной
проговорилось время.

Когда ж кончалась роль,
смолкал и я, как флейта,
хоть оставалась боль
во мне и голос чей-то...

* * *

...И тронула слепым крылом,
и постояла в плоть,
пока я плакал о своем.
«Да полно вздор молоть,—

сказала.— Есть о чем жалеть,
за что цепляться здесь!..
У нас с тобой такое впредь,
что ты мне нужен весь».

* * *

Водвориться в новое жилище —
все-таки какой нелегкий труд.
Старый дом — чужое пепелище,
штукатурки горя не сотрут.

Оборвали старые обои,
а под ними — выставка газет.
Как они участвовали — двое
стариков — в процессе прежних лет?

Может быть, они отгородились
этой дверью, твердой и двойной,
от того, чему мы все учились
довоенной жизнью и войной?

Нет, конечно. Кафельная печка
требовала выдержки и дров.
От чего могла спасти аптечка,
если век не разбирал голов?

Видишь, информация и сводка,
а в углу — усатый господин,
и провисла внешняя проводка
вялой связью следствий и причин.

Мы вошли с какими-то вещами
на какой, не знаем сами, срок
и того не зная, кто за нами
ступит на оставленный порог...

* * *

Поставим даты под стихами:
события владели нами,
а диктовала нам страна, —
и окольцованные птицы
легко пересекут границы,
что возводили времена.

Но где-то есть в живых другие
птенцы небесной ностальгии,
что не давались в руки нам:
не помнят ни числа, ни года,
не знают слов «тоска», «свобода»
и безразличны к именам...

ЖИЗНЬ АРТИСТА

Я хотел рассказать вам про Гришу Гая,
что его вы знаете, полагая,
что его вы помните, без сомнений,
по экранным ролям и ролям на сцене,
потому что мне повезло когда-то, —
сколько лет минуло от этой даты! —
водворился с ним я в одной гримерке,
разделил с ним хлеб ожиданий горький.

Я хотел рассказать вам про Гришу Гая,
как он начал, басом грачей пугая,
как в Москву пожаловал с Украины,
как привез с собой говорок старинный,
как любил Качалова, Михоэлса,
как отважно в будущее гляделся,
как служил матросом в театре флота...
Ах, какой был парень! Смотрите фото.

Я хотел рассказать вам про Гришу Гая,
как он жил, высокое постигая,
как любил он женщин светло и крепко
(тут нужна рассказу большая скрепка!):
как потом сменил он Москву на Питер,
и сверкнул удачи большой юпитер;
как он бедным был, не стал богатым,
и как стал он сталинским лауреатом...

Я хотел рассказать вам про жизнь артиста,
как он преданно служил, верил чисто;
как он правду защищал, не знал испуга,
и как бас его звучал за честь, за друга...

Но рассказ еще молчал, что-то пряча.
За удачу говорит сама удача,
а откроются уста поневоле,
если сам почувешь боль его боли...

Я хотел рассказать вам про Гришу Гая,
как он жил, себя за других сжигая;
как готовил кашу жене и дочкам,
как его за добро несли по кочкам;
как таскал все замыслы в старой сумке;
как над ним посмеивались недоумки;
как болел за время умом и сердцем,
по больницам странствуя страстотерпцем.

Я хотел рассказать вам про Гришу Гая,
да мешала жизнь моя дорогая,
все свои несчастья, свои заботы,
то ли выигрыши, то ли просчеты.
А потом я сбился со старых правил
и сменил гримерку, его оставил;
и катилось время быстрее потока,
и его списали скорее срока.

Я хотел рассказать вам о человеке,
с коим можно встретиться в кои веки;
о таком мечтательном пешеходе,
что порой оденется не к погоде,
что бредет в тумане, ждет роли,
а себе цены не знает, что ли;
а душе, способной к великой трате,
о моем товарище собрате.

Я хотел рассказать вам про Гришу Гая,
а теперь забота моя другая:
лучше я пойду к нему, рядом сяду
и его наслушаюсь до упаду;
он такое помнит, такое знает,
так прощает нам, временам прощает,
что уж лучше сам он пускай расскажет
и былое время с текущим свяжет.

* * *

«При кедре».
Надпись на книге.

Свидание вышло при кедре.
При снеге на солнце. При ветре.
На этой прибрежной земле.
И помнится, что в феврале.

Когда я вломился без цели,—
при скульпторе возле модели
и очень высоком окне.
Потом — при сидящей в сторонке
неслышной ее компаньенке.
А после — наедине.

Я думал, что я ей обуза.
но молвила русская муза,
чтоб я не спешил убежать,
и доброе мне обещала,
и чаем меня угощала,
велела явиться опять...

Я вышел. Ни солнца, ни ветра.
Вблизи одинокого кедра —
сто сосен, сто елок окрест.
А место его за порогом
единственным выбрано слогом,
и выбор несет он, как крест.

* * *

О, Господи, прости мне Прагу,
прости бессилие и страх,
и то, что я костыми не лягу
на ленинградских площадях.

Прости мне, Господи, поступки,
которых я не совершал;
я был лишь содержимым ступки,
не я толлок, не я мешал.

О, Господи, прости мне эту
судьбу, не избранную мной,
и дай надежду кануть в Лету
с неотягченной душой.

1968

* * *

Ты помнишь джаз послевоенный,
рядящийся, неоткровенный,
полузаконный, привозной,
вчера подслушанный, запретный
и вот — решившийся, конкретный,
дразнящий, дерзкий, заказной!..

Где?! В парке. Как?! На танцплощадке.
Дом офицеров — все в порядке.

Плати трояк и заходи...
Отдавшись неге и кошмару,
мы «разобьем» вот эту пару.
Жара и тайна впереди!..

Как презирают нас синкопы
за неуклюжие притопы,
за напряженность рук и плеч!..
О жаркие прикосновенья
назло системе обученья,
тогда делившей нас, как меч!..

Ты помнишь темные аллеи,
когда, дрожа, решаясь, злея,
мы шли неведомо куда!
Когда горящие ладони
за бедной радостью в погоне
срывали пуговицы стыда!..

Прости-прощай, трофейный скромник,
ночной таинственный приемник,
прости-прощай, зеленый глаз,
зеленый шум, арык журчащий...
Прости-прощай, мой друг пропащий,
и ты, послевоенный джаз...

КОЛЕСО

Большое колесо под шум воды скрипело
и вычерпать арык веселый не могло.
Связав шестерку спиц, его живое тело
по совести впряглось в речное ремесло.

Арычная вода, дойдя до переката,
сверкала под уклон и, праздности стыдясь,
сдавалась колесу, которое когда-то
шесть сотен лет назад ей предложило связь.

А я был лет шести в волнах эвакуаций
перенесен судьбой на новые места,
чтобы глядеть, как здесь, в тени густых акаций
большое колесо вращалось у моста.

Из банок жестяных на желоб деревянный
неслышные струи ныряли, не спеша,

и новый путь воды, повышенный и странный,
весь век могла следить забывтая душа...

Большое колесо, как колесо природы,
под тяжестью воды плывет передо мной;
речное ремесло сворачивает годы
и дальний мой досуг кропит живой водой.

За этот уголок, что стал моим спасеньем,
за этот долгий взгляд, сверкающий арык,
за весь текучий мир, с его коловращеньем.
я рад бы жизнь отдать, хоть к смерти не привык...

ФИНА НИЗАМОВА

А Низамову Фину на улице встретил отец.
«Что ты плачешь?» — спросил и привел ее к маме:
метр от полу и горбиком грудь — вот такой образец.
И осталась она вместе с нами.
Что с ней было до этого? Странная мгла...
Где-то жили и сестры, и братья,
но ни места при них, ни занятия
она не нашла.
Мама ей отвела уголок для спанья,
прикупила одежду.
(Тридцать лет в самый детский размер обувала короткую ножку.)
Так и выросла наша семья.
И за ручку вела ее мама вступать в профсоюз
и в вечернюю школу...
Кто сумеет измерить родительский груз?
И глаза опускаются долу...
Как он весело зажил, конек-горбунок, заспешил вперевалку!
И — на равных, на равных! — в любую встречал перепалку!
И какие он крылышки вырастить смог!
Институт позади, и квартира — своя,
и заведует библиотекой.
Кто же вспомнит ее сиротой и калекой,
если Фина Низамова — наша семья?..
Где же книга, в которой записан был этот конец,
темный, будто начало?..
Раньше мать умерла. А потом и отец.
Вот и Фины не стало.
Слепота догнала ее. Фина открыла окно

и от нас улетела.

Всем сама помогала, а бременем стать не хотела,
не хотела, чтоб было темно...

Жизнь спешит и уходит, как тот кочевой караван.

Кто отстал, кто прибилась случайно...

Там, откуда она появилась, клубится туман.

Там, куда унеслась, — та же тайна...

ОТЕЦ

Что сказать о моем отце? О его дорогом лице,
напряженном таком и ясном?

Плохо спал он и мало ел, восемь лет тяжело болел:
мир казался ему опасным.

Он подкрадывался к окну, слушал страшную тишину:
не за ним ли пришел вот этот?

Руки стискивал и стонал, на кого же нас оставлял?..

«Это самый жестокий метод!..»

А когда-то, а до войны в кавалерии брал чины,
ждал, что кубики сменит шпалой...

Комучилища был непрост: свой платочек — коню под хвост:
чисто ль чищен жеребчик шалый?

Жизнь катила, как на парад: мать — в редакцию, я — в детсад!
Коммуналка на Коминтерна!

Море плещет в одесский мол, а отец нас гулять повел;
все оглядывались, наверно...

Тут и просится слово «вдруг». И отбилась судьба от рук,
штормовая пришла погода
и приперла отца к стене, мол, несчастье твое — в жене,
откажись от врага народа.

Выше страха, кто так влюблен. Он стоял поперек времен
и не продал ее, не предал.

Что карьера? Коню под хвост. Светлой верности черный пост
он как смертный озноб изведаль.

Скоро мама пришла домой... Но с тех пор за ее спиной
стало как-то отца не видно.

То ли сник он, то ли зачах: годен в нестроевых частях —
руки стискивает — мне стыдно...

Я его не ценил, а жаль... Вышла, вышла ему медаль
драгоценная — «За победу».
И еще — «За доблестный труд». «Юбилейная» тоже тут.
Достаю и иду по следу...

Что сказать о моем отце.. О его дорогом лице?..
Из больницы пришел, спасенный.
Каждой малости был он рад, и сиял его чистый взгляд,
вечно к матери устремленный.

Беды схлынули; схлынул бред — вот и счастье на склоне лет;
пенсионный почет измерьте!..
Вот и сын, вот и внук подрос. Сколько радости!..
Сколько слез!..
Так и жил до маминой смерти.

* * *

Марку Розовскому

Мы, актеры, — что кони:
повезет — повезем!
А заменят в прогоне, —
мы железку грызем.

Ждем забега, как манны,
и, — покуда без дел, —
наши взоры туманны,
словно жизни предел.

Что набитое брюхо,
раз недвижна земля?
Там и празднество духа,
где берут в шенкеля!

Пусть наездникам прибыль,
нам — цветочный венец!..
Застоявшимся гибель.
Запаленным — конец.

Ваша правда, коллега,
мы живем в табуне.
Наша жизнь — для забега
при хлысте и ремне!

Мы, актеры, — что кони, —
грузовым не чета!..
Сахарок на ладони
и аллюр три креста!..

* * *

Когда играешь короля,
и за тобой — твоя земля,
и ты един в трех лицах, —
подумай о границах...

Когда играешь короля,
а вражья конница, пыля,
смела твои границы, —
подумай о столице...

Когда играешь короля,
а все надежды у нуля
и вокруг тебя измена,
то смерть главнее плена...

Когда играешь короля,
а над тобой висит петля
и рядом кат угрюмый, —
о будущем подумай.

Теперь ты больше не король,
теперь позволь себе, позволь
тонуть в слезах незримых
о близких и любимых!..

ДОН КИХОТ

Павлу Антокольскому

Что мне делать с собой и с нею?
Как ее влюбить в Дульсинею?
Как назначить на эту роль?

Да и вправду, кому охота
всю судьбу терпеть Дон Кихота?
Тут любая скажет: «Уволь»...

Что мне делать с собой и с ними?
То есть с близкими и родными,
кто умеет пытаться добром?
Да и хватит ли мне таланта
отыскать себе Росинанта,
Санчо Пансу и щит с копьём?..

Что же делать?.. Мне все непросто.
Нету голоса, сил и роста.
Да и денег нет на поход.
Разглядел я свои изъяны.
Разглядел, что враги — бараны.
Неужели я — Дон Кихот?!

Но другого в Ламанче нету.
И — хочу или нет — к рассвету
идиотский пример подам
там, у мельниц, на лобном месте,
а не то этот мир без чести
разлетится ко всем чертям!..

РЕМБРАНДТ. «БЛУДНЫЙ СЫН»

Кто я на этой картине — отец или сын?
К вам обращаю сегодня лицо или спину?
Или — как вышло, так вышло — уже двуедин,
к сердцу прижав дорогую мою половину?..

Сам ли на этой картине знакомлюсь с судьбой?
Или горжусь перед вами счастливым позором?
Или — поодаль и справа, — свидетель немой,
я оперся о клюку с отуманенным взором?..

Кто же я здесь, на картине, из этих шести?..
Пусть времена насмеются над знатоками...
Бедные женщины! Их и не видно почти...
Что впереди, если так обнажен перед вами?

Буду ли я, как прощающий старец, красив?
Или, как сын, победивший гордыню, возвышен?

Кто я на этой картине, когда, отступив,
выпью вина и навешу сережки из вишен?..

МЕНЕСТРЕЛИ

Мы опять явились в замок, менестрели,
неоконченный продолжили турнир,
мы опять зарокотали и запели
и по-своему озвучили весь мир.

Мы — ремесленники. Рады ли, не рады, —
но и радостью, и ужасом дыша,
ищем правду, только правду, кроме правды,
мы у жизни не взыскуем ни гроша.

Соревнуясь, оглашаем нашу повесть, —
кто — короткую, кто — длинную главу, —
нашу музыку мы пробуем на совесть
и рифмуем с тем, что видим наяву.

Ну, а если показалось нам, приснилось
то, чего еще встречать не довелось,
значит, будущее, словно божья милость,
нас избрало, к нам во сне подобралось.

Ну, а если кто-нибудь из-за успеха
поступается и лютней, и лицом,
то, от музыки отринутый и цеха,
он скитается изгоем и лжецом.

Мы ко времени пришли по бездорожью,
задыхаясь от любви и нелюбви.
Только ложью мы не пользуемся. Ложью
мы не пользуемся. Нет ее в крови.

ГАСТРОЛЬНЫЙ АВТОБУС

Случай напомнил гастрольный автобус в загранке,
толк о покупках, галдеж в запечатанной банке;
едем, стяжав на сегодня прощальную славу,
едем, себя не забыв и представив родную державу

Что за окном? Аргентина? Прекрасно. Но в этом ли дело
если окончена пьеса, а юность давно прогудела.
Ах, чемоданы, баулы, коробки, колесные сумки!
Как нам спастись от торгово-промышленной чумки?..

Случай напомнил веселое наше начало,
в нищей общаге и койки для счастья хватало,
кочечки узкой, с двойною нагрузкой, не так ли?
взятой со сцены, со списанного спектакля.

Счастье мое, утаенное рыжее счастье,
сколько булавок и шпилек терялось от страсти
в кочечке узкой — спасибо на том коменданту! —
выданной ради любви, с уважением к таланту...

Случай напомнил разлуку, последний чинарик,
связку тяжелых ключей и дежурный фонарик,
ночь в одиночку на сцене огромной, пустынной,
бедного принца и Призрака образ полынный.

Что за окном? Будапешт или снова Варшава?
Слава ли ждет или яд на клинке и расправа?
Кто там за всех распинался и лез в одиночку?
Гамлет? Ну, что же... Продать ему мебель в рассрочку!

Все, что мы в будущем скупим, урвем в настоящем,
в тесную ямку с собой ни за что не утащим.
Только страданья и радости дым драгоценный
даст нам в рассрочку высокое торжище сцены.

Что за окном? Неужели Япония? Чудо!..
Все-таки жаль, что автобус уходит отсюда!..
Ах, аппараты, транзисторы, куртки, системы!..
Жаль, что ветшаем, и жаль, что износимся все мы.

Случай напомнил семейку, любимую труппу,
ту, что сегодня по мне пробежит, как по трупу,
ту, что не скоро заметит, что место — пустое,
станет замену искать, опасаясь простоя.

Ах, дорогие мои, приоткройте жестокую дверцу,
я соскочу на ходу, мне свобода по сердцу,
и помашу вам рукой, равнодушные прощая,
золото строчки на занавес вам обещаю...

Ах, дорогие мои, не спешите найти мне замены,
некем меня заменить, я вжился и впечатался в стены,
в тайные ниши вошел, в зеркала окунулся...
Я вас любил, а когда уходил, оглянулся...

* * *

Не забывай себя и голос вещей
не напрягай для жалобы пустой,
с тобой т а к и е происходят вещи
лишь потому, что ты и есть т а к о й...

ХУДОЖНИК КАЛМЫКОВ

(отрывок)

...Светило сверху пыльное окно,
и, наудачу попадая в дамки,
хозяйка предъявила полотно,
небрежно отстающее от рамки.

Какая-то кирпичная стена
расчерчена зелеными лесами.
На этом фоне женщина, одна,
летит под голубыми небесами.

Как будто так и следует, летит,
отдавшаяся путевым заботам,
рука вперед, костюм — совсем открыт,
вся поза объясняется полетом...

Что нас волнует, в сущности? Укол
внезапного, как выпад, узнавания
лица в лице, прорыв воспоминанья
сквозь суетливых будней частокол.

Находка вещи, явственный привет
из прошлого, как шар, упавший в лузу;
тоска по невозможному союзу,
оставшийся на сердце тайный след.

Что нас волнует изредка? Пейзаж,
звучащий наподобие сигнала
пространств, которых нам не доставало,
смысл места, обретенный нами, наш.

Что нас волнует все-таки? Дуплет
двух странных происшествий, тень догадки
соперник, наступающий на пятки,
и пистолет, глядящий в пистолет...

Ну, что еще? Какой-нибудь чужак,
назвавший имена, что нас обяжут
и вдруг с другими чужаками свяжут,
и станет облик близости двояк...

Так что ж в итоге? Грозовой разряд,
катящиеся громы, совпадения
судьбы с судьбой, просвет ночного бденья,
предчувствие, решимость наугад...

Я превратился в столб... Перед мной
она летела вечной Маргаритой,
моей виной, моею тайной, скрытой
от самого себя; и ей одной

была понятна пауза с разбега,
провал в прапамять, пристальность зрачков,
мгновенье счастья, выше всяких слов,
растаявшее наподобье снега...

* * *

А эта целовалась лучше всех;
пятнадцать лет и тысяча помех —
французский и рояль, семья, «невремя», —
но между строк еще сквозила щель,
и языки сливались в вечной теме,
острей, чем стрелы, проникая цель.

А грудь ее была тверда, смугла;
рука остановиться не могла,
легко скользя по животу и ребрам
податливым, и острому бедру...
И нет стыда, и страх в уме недобром,
как будто я любил свою сестру...

И вот она влетает в дом ко мне
и жаждет оказаться в западне,
и маленькою дерзкою рукою
спешит узнать отличия мои,
в ней все — от Евы или от змеи...
О, Господи, да что это со мною?..

Прости, но разве скажешь между строк
о черной розе между стройных ног,
длиннущих, смуглых, тонких, как жердинки
душа моя, ты на моей руке,
куда мне плыть в топленном молоке...
Ты тоже помнишь эти поединки?

Сойди с ума и здесь остановись,
где эти два ребенка напряглись
в прекрасной и мучительной истоме.
«Люблю тебя... И все, что хочешь, кроме...»

* * *

Ты забыла о том, что бывает слеза,
и от первой слезы удивились глаза,
ты заплакала и засмеялась...
Вот тогда ты со мной и осталась.

Ты забыла о том, что бывает родня,
что прекрасно вот так посидеть у огня
и довериться нитке с иглой,
слову тихому, паузе долгой...

Ты забыла, но вспомнила рядом со мной...
Вот тогда ты и мне показалась родной,
той единственной, верной и кроткой,
долгой радостью в жизни короткой...

* * *

Верни окраину и блочные дома,
где друг от друга мы сошли с ума,
где за обитой дерматином дверцей,
чужой, оплаченной одолженным рублем,
мы верили, что в рай без бури доплывем
и к перевозчику стучались оба сердца.

Верни мне дом-корабль, снятой уют,
где не хватало ночи и минут,
и дня, и месяца, и сна, и утоленья,

где временность теснила времена,
и медлил век, и дуло из окна,
и жизнь росла без щучьего веленья.

Уйду сегодня же, переметнусь туда,
где свет без адреса и радость без стыда,
и голод нежности, и не берет усталость,
где телефон свой номер позабыл,
где я с тобой и вправду счастлив был,
где падало колечко и терялось.

БАЛЛАДА О СЧАСТЛИВОМ ГРЕШНИКЕ

Он ездил за счастьем к Московским воротам,
когда удавалось, тайком, по субботам.
Под две подворотные низкие арки
он робко носил небольшие подарки.
Что делать, зарплата была небогата,
да негде добрать, да взростеют ребята.

С утра — на работу и вечером — к дому,
а хочется жизнь повернуть по-другому.
И — вот оно, счастье, что угол снимает,
и радо всему, и про все понимает;
и светом в окне драгоценная младость,
и чистая страсть, и звенящая радость.

Он ездил за счастьем с далекой Гражданки
от тещи, конструктора прочной молчанки;
от тестя почтенного на пенсионе,
активно живущего в микрорайоне;
от вялой жены над горшочным цветочком;
от кошки, приученной в ящик с песочком.

Он ездил за счастьем к Московским воротам,
как только ему удавалось. Да что там!..
А как он светился на месте конторском
под взглядом общественности прокурорским!
А как он берег свою нежную тайну!
Так гетман лелеял родную Украину.

Но осенью счастье его заболело,
и юное тело от жара горело;
и с вафельным влажным насквозь полотенцем
сидел он над ней, как сидят над младенцем;
и с сердцем, уже разорваться готовым,
смущаясь, с врачом говорил участковым.

Потом в магазин он пошел и в аптеку
и вдруг догадался, что сам на калеку
похож он, детей в этот миг вспоминая,
когда без присмотра осталась больная,
когда он и на ночь не смеет остаться,
а станет прощенья просить и прощаться.

Так мученик долга, любви и погоды,
он шел под дождем в направлении свободы.
И арка к нему приближалась в тумане,
и три медяка шевелились в кармане.
И к небу воззвал он горячечной речью,
и ангел к нему устремился навстречу.

Ударил огнем по глазам удивленным,
ударил крылом, с клекотаньем и звоном,
и в отблесках красных, и в бликах зеленых
два женских лица предъявил просветленных,
и с силой нездешней в грядущее целя,
его оторвал от зонта и портфеля.

Он ездил за счастьем к Московским воротам
и не был готов к роковым поворотам.
И, как мы от правды себя ни скрываем,
он надвое был перерезан трамваем
и стал матерьялом докладов несложных,
статистикой дня происшествий дорожных.

А там, перед выносом грешного тела,
жена задышала и теща сомлела,
и тесть приосанился в галстуке верном,
и дети притихли в молчанье примерном.
И сбоку стояла, как будто случайно,
его дорогая счастливая тайна.

А он, пролетая над сумрачным моргом,
себя не заботил бессмысленным торгом
с судьбой, и с семьей, и с моралью суровой,

как будто гордился последней обновой,
в трагедии всех подарив соучастьем —
спасительной смертью в погоне за счастьем.

ОБРАЩЕНИЕ К КАЗАНОВЕ

Эй, Казанова, ты зайдешь сегодня?
Тьма новостей, соблазны за дверьми,
да нет прибýtка, а удача-сводня
с шахтерами бастует, черт возьми!

Ты снизойдешь до кустарей? Старая,
мы — grazie! — заглянем в перевод,
а прошлого живая лотерея
даст параллельный ряд и не совет...

Мэтр Казанова, список приключений
пора продолжить. Знаешь, в наши дни
при помощи простых столоверчений
хотелось бы избежать западни,

в которую пошлейшая реальность
ввергает нас; дурные времена
настали вновь; и возраст, как банальность,
приводит в ужас, и трещит страна

единственная... Ты ведь в Петербурге
бывал?... Бывал... Всяк бесится и рвет:
жратвы и зрелищ!.. К власти жмутся урки
(по-вашему — bandito)... Наперед

хотелось бы застрять в провинциальной
глуши и погрузиться в чуждый быт,
в любовь из многих серий, в идеальный
мир приключений, дабы троглодит,

ворвавшись спяну, не прервал наркоза:
а вот еще одна... еще одна...
Какая замечательная проза, —
прости, Господь! — в любые времена.

* * *

Благая мысль, тебя хоронит
актер, несущий чепуху.
Он — автор новостей и хроник,
переведенных на труху.

Он закопал такие перлы
за двадцать пять урочных лет,
всегда догадываясь первый
зачем он учит этот бред.

Он молча вел свой посидинок,
прочтя десяток вечных книг,
с дешевой мерзостью новинок
и в паузах бывал велик.

Здесь нет вины его, а только
его болезнь, его беда,
что режет мозг страшной осколка
смысл подневольного труда;

что в мотыльковой этой роли
он не себе принадлежал;
что был прикован к вечной боли,
но знак безвременья стяжал...

МЫ

Баллада о трижды рожденных

Мы родились от матерей,
сведенных страхом, бедных душ,
в пыли от взорванных церквей,
под вопли бесов и кликуш.

Мы родились от гордецов,
слепцов, игравших до конца,
под красным флагом мертвецов,
в тени Кремлевского дворца.

Мы родились от слова «мы»,
от слова «н а с», от слова «н а м»,
от нищеты и от тюрьмы,
приросших к нашим именам;

в руках у шайки блатарей,
в дни паек и блатных пайков,
от безразмерных лагерей
и краденых черновиков...

...Мы родились от той войны,
которой шли на черный корм,
от трибуналов без вины,
бескровных карточек и норм.

Мы родились от тех блокад,
в которых умерщвлялся дух,
мы понимали раем ад
и утверждали это вслух...

Победа шла из-за границ,
свобода гибла на корню;
в толпе перемещенных лиц
мы не могли узнать родню.

Вставали вышки по углам,
дубел и множился конвой,
а нас не били по ушам
предсмертный хрип и волчий вой.

Но тайный страх бродил в крови,
и, чтя отцов и матерей,
мы задыхались от любви
к стальной империи своей.

И наше счастье, что Господь
давал встревожиться на слух
от музыки, теснившей плоть,
и музыки, двоящей дух.

...Но время шло из-под сукна,
пахан восславленный издох,
и сопли вытерла страна.
На сцену вышел скоморох.

Он кукарекал, как петух,
над смрадным трупом палача.
В нас открывался новый слух,
как новый ум от первача...

Нам было не собрать костей,
но души мертвых напряглись,
и мы от черных новостей
вторым рождением родились.

Мы догадались, что про нас
писали Дант, и Бах, и Босх,
а каждый лагерный рассказ
коснется будущих эпох.

Новорожденные умы
вторым значением дразня,
в бездоказательное «мы»
вошло беспочвенное «я».

...Мы родились от слабых слов
неполной правды и свобод,
которым не было основ,
и ложно понятых погод.

Из жадных бдений по ночам
среди останков тех культур,
что ненавистны избачам
из государственных структур.

Но гниль ползла из-под сукна,
муляж взобрался на престол.
Ждала Кремлевская стена,
а мертвечина шла на стол.

Судьбу гвоздями красных дат
прибили урки к пустырям.
Лишь капельницей самиздат
удерживал от черных ям.

Распад катился от Кремля
до стен психушки и тюрьмы,
и чем сильнее болело «я»,
тем беспощадней гнуло «мы».

...И тек в крови сквозной испуг,
и были осторожны так,
чтоб не отрекся близкий друг,
и не сожрал всемогущий враг.

Но время шло из-под сукна,
смерть забредала на порог,
и тот, кто не коснулся дна,
тот в третий раз родиться смог.

...Мы родились от той вины,
что взяли на свои щиты:
партийной воровской казны
и всенародной нищеты;

от взгляда в пол, от слова в стол,
от рукописи за бугор;
от тех, кто все-таки пошел
себе на гибель, нам в укор.

...Мы платим честью за друзей
и платим славой за жену,
и чем угодно — за детей,
и той же кровью — за страну.

Нам кажется: настал наш час,
и мы проветриваем дом...
А молодежь не любит нас
и ждет, когда мы перемрем.

...Но почему-то мы живем,
и для чего-то мы нужны,
когда, тоскуя о своем,
все помним, трижды рождены,

три знака, брошенных судьбой,
три черных ямины времен,
три лика Троицы Святой,
три кармы русских похорон,

и, ударяя в грязь лицом,
а пальцем в небо не попав,
все ждем общения с Творцом
без слов, без времени, без прав.

...Но время длится, как тоннель,
не открывая, для чего,
и мы за тридевять земель
хотим услышать своего.

Но свой не слышит своего,
и, где свои, не знает свой,
и, как проклятие, родство,
и единенье, как конвой.

...Последний срок. Последний смысл
Последний след. Последний Спас.
Бес нашей стадности, уймись.
Спаси, Христос. Помилуй нас.

Помилуй их. Помилуй всех.
Верни мне слух и вещий сон.
Прости имперский свальный грех
и отведи Армагеддон.

...За три рожденья — три огня,
а за огнями тот порог,
где тень моя не ждет меня,
а ждут Вселенная и Бог.

* * *

Дирижируй, мой друг, барражируй,
в черном космосе властно пари
над судьбою беспутной и сирой,
над обидой, застрявшей внутри.

Два оркестра сведи воедино,
ради музыки новых времен,
здесь подходит любая причина,
кроме наших с тобой похорон.

Окрыляйся, лети и не падай.
Жизнь слепа, забывай обо всем!
Не терзайся ни пошлой «Декадой»,
ни своим незаконным сынком.

Дирижируй и с Богом беседуй,
материнской могиле клянясь,
вставить зубы, подшиться торпедой,
узаконить последнюю связь.

В белом фраке и в бабочке белой
головой поводи смоляной
над отчизной своей очумелой,
над разорванной в расприх страной...

* * *

Я бредил историей Дании в сводке Шекспира,
которого так до войны перевел Пастернак,
что вышел российский масштаб, и английская лира
склонилась над бедною родиной траурный флаг.

Свернулось пространство от ужаса клубных собраний,
и датскому принцу слепила глаза Колыма;
миллионы зывали к возмездию, от их заклинаний
актеры и зрители вместе сходили с ума.

Но было кому провожать палачей на почетный
заслуженный отдых, без тени стыда на лице
хвалить Эльсинор, воспевая момент поворотный,
и новой интригой питаться в Кремлевском дворце.

И время течет, а имперская спесь колобродит
по жилам могильщиков и шоферов, и во мне
имперская слава такие рулады выводит,
что я забываю, в какой погибаю стране.

И время проходит. И вновь прибалтийские волны
до нас достигают, и тайные письма спешат.
И в записи стонут волынки, и воют валторны,
и снова в России шекспировский призрак зачат...

* * *

Кто возвысит тебя, кто унизит
в этой нищей и наглой стране?
Только Бог, если все же приблизит.
Только речь, буде послана мне.

И тогда ты поймешь, отчего же
не бегу от сумы и огня,
и зачем мы, как братья, похожи
накануне слепящего дня.

Та земля, где срастаются предки,
словно церковь откроется нам,
а добычу последней разведки
не придется делить пополам.

ДО ТРЕТЬЕГО ЗВОНКА

Станиславу Рассадину

...Один повесился (спасли); другой
сошел с ума (работает в охране
по излеченью); долгих испытаний
не вынес третий — беженец, изгой

(потом — женат, в Америке, открыл
учебный класс и поживает тихо)...
Судьба актера — курва и шутиха,
будь либо гений, либо жесткокрыл.

При жестких крыльях и талант сойдет
за гений, и способности товарны;
к чувствительности прибавляй расчет,
играй без роли, если не бездарный.

Блажен и тот, кто носит гордый знак
посредственности и, кружа по краю,
сигналил всем: не рвусь и не скрываю —
сыт и доволен. — Молодец. Верняк!..

Центр занимают на крутых паях
красавец, плут, русак и героиня
с богатой грудью; здесь у нас — твердыня;
но речь зашла о тех, кто на краях,
о винтиках (пока не терпит крах
отлаженная обществом святыня).

Не всем красноречивый поворот
на зрителя ко времени и кстати,
спасает дисциплина; по зарплате
и место, а по месту — и почет...

Один запоем пил (дошел дотла,
рассыпался и сгинул), а другая
без мужика на раз играть не шла
(на пенсии), восторги исторгая;

а третий — все другим, все для друзей,
шут перед ними, нищий перед сценой
(развалина); четвертый — жмот, халдей,
завистник, жалкий родом и надменный

(играет; испугался за живот,
ест овощи и делает зарядку)...
Но кто мог знать, что наш Узлов умрет!
Вот был артист... Ушел — и время всмятку...

К чему я это говорю?.. Пока
не выяснил, но явно есть причина...
Тут — групповой портрет, и вся картина —
из частных... из частных...

До третьего звонка,

разглядывая занавес и ложи,
припоминай спектакли похорон,
собраний и хождений на поклон
и на ковер... Чем все они похожи?..

Униженность — вот общая беда.
Пусть завтра правовое государство
устроится, — здесь честного стыда
не избежать, не найдено лекарство.

Стыд, впрочем, чувство лишнее на сцене,
и многие избавились в быту
от этих устаревших ощущений,
учтите это. Да, и я учту

до третьего звонка...

А по звонку
душа летит к родному потолку,
и вянет свет, и райское блаженство
роднит семейство избранных лжецов,
слепцов, вкусивших правду и равенство
на свалке ныне требуемых слов.

Хоть пять минут наркоза и дурмана,
хоть три минуты счастья!.. Господа!
Вам, вам, ткачам прекрасного тумана —
переходящий вымпел комтруда!..

Из света в свет... При том и этом свете...
До третьего звонка... И вслед за ним...
Все хороши на групповом портрете,
любой достоин и равно ценим:

художник, клептоман и патриот,
примерный семьянин и потаскуха —

кому какое дело? Жизнь цветет,
волшебная для глаза и для слуха!..

И здесь, каких им званий ни присвой,
все сплочены нарядною толпою.
Да, да, ты прав, и я «Ночной конвой»
припомнил; все горды своей судьбою.

А я гляжу на них со стороны,
люблю, клянусь, прощаю и жалею;
мое лицо совсем с другой стены
незримо входит в эту галерею.

Но как до завершения далека
моя работа, сколько белых пятен!..
Успею ли до третьего звонка?..
И прост вопрос, да смысл невероятен..

СОДЕРЖАНИЕ

«Я был еще слепец...»	3
«... И тронула слепым крылом...»	3
«Водвориться в новое жилище...»	3
«Поставим даты под стихами...»	4
Жизнь артиста	5
«Свидание вышло при кедре...»	6
«О, Господи, прости мне Прагу...»	7
«Ты помнишь джаз послевоенный...»	7
Колесо	8
Фина Низамова	9
Отец	10
«Мы, актеры,— что кони...»	11
«Когда играешь короля...»	12
Дон Кихот	12
Рембрандт. «Блудный сын»	13
Менестрели	14
Гастрольный автобус	14
«Не забывай себя и голос вещей...»	16
Художник Калмыков (отрывок)	16
«А эта целовалась лучше всех...»	17
«Ты забыла о том, что бывает слеза...»	18
«Верни окраину и блочные дома...»	18
Баллада о счастливом грешнике	19
Обращенье к Казанове	21
«Благая мысль, тебя хоронит...»	22
Мы. Баллада о трижды рожденных	22
«Дирижируй, мой друг, барражируй...»	26
«Я бредил историей Дании в сводке Шекспира...»	27
«Кто возвысит тебя, кто унизит...»	27
До третьего звонка	28

РЕЦЕПТЕР Владимир Эммануилович

ДО ТРЕТЬЕГО ЗВОНКА

Стихи

Редактор Г. А. Елин

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 27.12.90. Подписано к печати 4.02.91. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,47. Тираж 90000. Зак. № 28. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
В ЭТОМ ГОДУ
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИЖКИ:**

- О. МАНДЕЛЬШТАМ «Четвертая проза»;
Е. РЕЙН «Непоправимый день»;
В. НИКОЛАЕВ «Горсовет по-американски»;
С. ЛИПКИН «Угль, пылающий огнем»;
Г. АКСЕНОВА «Театр на Таганке: 68-й и другие годы»;
И. ЭРЕНБУРГ «Неправдоподобные истории»;
Л. ЧУКОВСКАЯ «Сверстнику»;
Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ «Бессонница»;
К. БАЛЬМОНТ «Где мой дом?»;
Ю. КАРАБЧИЕВСКИЙ «Незабвенный Мишуня».